

приоритет2030⁺
лидерами становятся

ИИ Институт
международных
исследований

ОТ МЯГКОЙ СИЛЫ К ДИСКУРСИВНОЙ СИЛЕ новые идеологемы внешней политики КНР

Игорь Денисов
Иван Зуенко

ОТ МЯГКОЙ СИЛЫ К ДИСКУРСИВНОЙ СИЛЕ НОВЫЕ ИДЕОЛОГЕМЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КНР

Об авторах:

Игорь Денисов, старший научный сотрудник Центра исследований Восточной Азии
и ШОС ИМИ МГИМО МИД России

Иван Зуенко, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра
евроазиатских исследований ИМИ МГИМО МИД России

Ответственный редактор:

Максим Сучков, кандидат политических наук, доцент,
директор ИМИ МГИМО МИД России

**Институт
международных
исследований**

Данная публикация предназначена исключительно для личного использования и не подлежит воспроизведению, распространению или переработке без письменного разрешения Института международных исследований (ИМИ) МГИМО МИД России.

Запросы на перепечатку направляйте,
пожалуйста, в ИМИ МГИМО МИД России:

119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Тел.: +7 495 225-33-13

Email: imi@inno.mgimo.ru

Эта публикация может быть бесплатно загружена с сайта:

Иллюстрация на обложке: Мастер гимнастики тайцзицюань Чэнь Хаймин проводит занятия в Университете Айовы. 2011 г. UI International Programs. Attribution-NoDerivs 2.0 Generic (CC BY-ND 2.0)

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....5

Ловушка имени Джозефа Ная6

«Культурная мягкая сила»:
очарование, надежды и проблемы8

Мишель Фуко с китайской спецификой 12

Четыре дискурсивных маневра..... 15

Вместо заключения. «Дискурсивная сила» КНР
в эпоху глобальной конкуренции..... 29

Благодарность.....22

Об ИМИ.....23

Введение

Доклад посвящён значимой развилке в развитии внешней политики Китая при Си Цзиньпине – изменению подходов к информационному и идеологическому сопровождению активности страны на мировой арене.

С началом экономических реформ и эпохи «открытости» в 1980–1990-х годах Китай оказался интегрирован в глобальную систему рынков и распространения информации и стал использовать подходы т.н. мягкой силы (soft power) для продвижения своего образа и своих интересов в мире. К рубежу 2000–2010-х годов китайская политика «мягкой силы» находилась на пике активности, что было воплощено в деятельности сотен Институтов Конфуция, в стипендиальных программах, разветвленной системе внешней пропаганды и т.д. Однако уже в период правления Си Цзиньпина Китай

ощутимо скорректировал свою стратегию в этой сфере – фактически на смену «мягкой силе» пришла концепция «дискурсивной силы», источником вдохновения для которой были идеи о дискурсе французского философа М.Фуко. На прошедшем в октябре 2022 г. XX съезде КПК поставлена задача дальнейшего усиления международной дискурсивной силы, которая должна быть соразмерна совокупной мощи и международному статусу Китая.

Предпосылки и последствия этого процесса, равно как и интерпретация самого понятия «дискурсивная сила» китайской стороной, в российской аналитике остаются недостаточно раскрытыми, несмотря на значимость феномена. Настоящий доклад призван расширить познания русскоязычной аудитории о китайской «дискурсивной силе» и оценить перспективы её успеха.

Ловушка имени Джозефа Ная

Подъём Китая в качестве глобальной державы – один из острых и наиболее обсуждаемых вопросов мировой политики. Распад Советского Союза не поставил точку в споре о том, является ли западная либеральная модель безальтернативным «светлым будущим всего человечества». Сомневающимся в перспективах либерализма, как и в устойчивости однополярного мира, возникшего после холодной войны, всё больше и больше. Восхождение Китая расшатывает многие прежние «аксиомы», которые уже не кажутся чем-то незыблемым. А вчера доказанные «теоремы» требуют новых доказательств.

Выводы о том, что модернизация, экономический рост и социальный прогресс возможны лишь в рамках построенного по западным образцам «свободного общества», постоянно опровергаются практикой постреформенного Китая. Достаточно посмотреть на достижения КНР: рост ВВП и преодоление бедности, невиданные темпы урбанизации, успехи в технологиях искусственного интеллекта и других передовых областях науки, активная внешняя политика, устойчивость политической системы, которая вовсе не разрушилась под напором растущего среднего класса, хотя шаблонных предсказаний неминуемого краха Коммунистической партии Китая было немало.

Сегодня Запад, похоже, попадает в другую когнитивную ловушку, которую мы могли бы назвать «ловушкой Ная», по фамилии изобретателя концепции «мягкой силы», американского политолога и исследователя Джозефа Ная. Суть этих заблуждений, на наш взгляд, состоит в том, что Пекин в силу авторитарного характера режима якобы не способен по-настоящему распространить свое влияние вне национальных границ, то есть не в состоянии эффективно проециро-

вать «мягкую силу» в глобальном масштабе. Соответственно этот тезис используется как один из главных доводов, почему Китай не способен оспорить мировое лидерство США. Утверждается, что если Китай что и делает сейчас для наращивания своего влияния, то лишь занимается банальной скупкой политической лояльности, подкупом правительств слабых государств и иными тайными и полутайными операциями, но не проекцией классической «мягкой силы» в «белых перчатках».

Об этом много говорит и пишет в последние годы сам Дж. Най, как будто не замечая, что тем самым он подвергает сомнению универсализм своего «детища». Политику России и Китая по расширению влияния на глобальные нарративы в своей статье в *Foreign Affairs* Дж. Най рассматривает с точки зрения противостояния автократий и демократий, отмечая, что открытость является ключевым источником способности демократий «привлекать и убеждать» и что Западу «нечего опасаться в открытой конкуренции с автократиями за мягкую силу»¹.

«Великие державы пытаются использовать культуру и нарратив для создания «мягкой силы», способствующей развитию их преимуществ, но это нелегко продать, когда есть противоречия с их внутренними реалиями», – писал Дж. Най в другой статье, критикуя Китай за нарушения прав человека. В упрек Пекину он также ставит тот факт, что в КНР отсутствуют многочисленные неправительственные организации, которые генерируют большую часть «мягкой силы» США².

Эти выводы созвучны прогнозам, которые дал в 2001 г. в книге «Грядущий коллапс Китая» (*The Coming Collapse of China*)³ американский юрист китайского происхождения Гордон Чан. По его мнению, конец

¹ Nye J.S. How Sharp Power Threatens Soft Power. The Right and Wrong Ways to Respond to Authoritarian Influence. *Foreign Affairs*. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power>

² Nye J.S. The Information Revolution and Power. *Current History*, 2014, 113: 19–22.

³ Chang, G.G. *The Coming Collapse of China*. New York: Random House, 2001.

современного китайского государства должен был наступить не позднее 2011 года, поскольку Коммунистическая партия, сохраняя монополию на власть и отказываясь проводить политическую реформу, будет не в состоянии решить ни одну значимую проблему. Крушения режима не произошло, а с 2001 по 2011 годы ВВП Китая (по ППС) вырос в 3,4 раза. В 2011 году, когда Поднебесная по расчетам Гордона Чана должна была рухнуть, Китай запустил свою первую орбитальную станцию «Тяньгун-1». Подобные неудачные проекции, произрастающие из веры в то, что «Пекинский консенсус»⁴ вот-вот исчерпает себя, и сегодня встречаются довольно часто⁵.

Основной промах авторов таких предсказаний – абсолютизация существующих слабостей китайской партийно-государственной системы и недооценка её способностей к реформированию. Впрочем, имеет место и другая крайность – рассуждения о том, что у Китая безусловно есть продуманный план смещения США с глобального Олимпа и он жестко и планомерно его реализует. Истина, как часто это бывает, находится где-то посередине: в Китае «глобальное возвышение» видят, как сложный и до конца не предопределенный процесс, однако готовы продвигаться к центру мировой сцены по

При Си Цзиньпине навигатором в глобальной и все более бурной реке становится именно концепция дискурсивной силы (хуаюйцюань, 话语权), которая, как это часто бывает с китайскими политическими терминами, лишь отдаленно напоминает западные аналоги

тому же рецепту, по которому в свое время начались внутренние реформы Дэн Сяопина: «переходить реку, ощупывая камни» (摸着石头过河).

При Си Цзиньпине навигатором в глобальной и все более бурной реке становится именно концепция дискурсивной силы (хуаюйцюань, 话语权), которая, как это часто бывает с китайскими политическими терминами, лишь отдаленно напоминает западные аналоги. Однако прежде чем сосредоточить основные усилия на стратегии усиления дискурсивного влияния или дискурсивной власти, китайские теоретики и практики долгие годы были увлечены другим концептом с западными корнями – «мягкой силой» (жуаньшили, 软实力), которая, разумеется, также получила в Китае свою интерпретацию.

⁴ Автор термина «Пекинский консенсус» Джошуа Купер Рамо (Joshua Cooper Ramo) использовал его для описания модели экономического развития Китая как альтернативы «Вашингтонскому консенсусу» – либеральной рыночной модели, продвигаемой МВФ, Всемирным банком и Казначейством США. «Пекинский консенсус» легитимизирует понятие особенности в противовес западному универсализму.

⁵ Денисов И.Е. Черная метка для товарища Си // Россия в глобальной политике, 23 марта 2015. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/chernaya-metka-dlya-tovarishha-si/>

«Культурная мягкая сила»: очарование, надежды и проблемы

К моменту осознания Китаем того, что для успешного решения задач как во внешней, так и во внутренней политике необходимо уметь проецировать на других свое понимание происходящих в мире процессов (рубеж 1980-1990-х годов), наиболее успешной страной в мире выглядели США. Поэтому логично, что Китай начал изучать и копировать именно американский опыт.

Обратившись к западному идеологическому инструментарию, Китай изначально взял на вооружение теорию Дж. Ная о «мягкой силе» (soft power). В 1990-х годах казалось весьма реалистичным, что Запад победил в Холодной войне, опираясь именно на свою «мягкую силу» – на привлекательность американской массовой культуры, быта, повседневности (образа жизни).

В 1993 г. 38-летний Ван Хунин (на тот момент декан факультета международной политики Фуданьского университета, а в будущем – член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК и ведущий идеолог Китая при Си Цзиньпине) опубликовал в журнале «Фудань сюэбао» статью «Культура как национальная сила: мягкая сила»⁶, от которой можно отсчитывать увлечение Китая данной темой. Статья обосновывала необходимость активнее пропагандировать величие многотысячелетней китайской культуры, полагая, что интерес и уважение к китайской культуре неизбежно будет приводить к уважению китайского государства и облегчит тому защиту его интересов на международной арене.

Наиболее активно концепция «мягкой силы», или «культурной мягкой силы»

UI International Programs. Attribution-NoDerivs 2.0 Generic (CC BY-ND 2.0)

Занятия каллиграфией в Институте Конфуция при Университете Айовы. 2010 г.

⁶ 王沪宁. 作为国家实力的文化: 软实力 [Ван Хунин. Культура как национальная сила: мягкая сила]. 复旦学报 [Фудань сюэбао], 1993, 3: 23-28.

(вэньхуа жуаньшили, 文化软实力), начала обсуждаться среди экспертов, публицистов, а также в академическом сообществе начиная с 2000-х годов. Важной вехой стало создание сети Институтов Конфуция, первый из которых был открыт 21 ноября 2004 г. в Сеуле, Республика Корея.

В течение 2004–2017 гг. Китай приложил огромные усилия для продвижения своей «культурной мягкой силы». Основными инструментами стали: распространение китайского языка и знаний о китайской культуре через систему Институтов Конфуция, гуманитарные обмены, грантовые и стипендиальные программы, продвижение китайской музыки, литературы, кинематографа на внешних рынках через работу диппредставительств, туры в Китай для журналистов и блогеров, а также государственные СМИ (например, сеть международных каналов *CGTN: China Global Television Network*, которые появились под этим названием, начиная с 2016 года).

Прямо не декларируемой, однако очевидной целью всех этих действий было улучшение международного имиджа Китая и способствование тому, чтобы внешнеполитические задачи Пекина решались без применения силы или политических рычагов. Значимой виделась и задача нивелировать влияние синофобии, которая сопровождала и сопровождает все действия Китая

Хотя различные программы, связанные с финансированием из китайского бюджета, пользовались и пользуются большой популярностью среди иностранцев, степень усвоения стипендиатами китайской культуры и их готовность в дальнейшем следовать китайским ценностям и продвигать китайские интересы остается предметом дискуссий

Из 118 действовавших на территории США Институтов Конфуция 104 уже закрыто, а еще четыре находятся в процессе ликвидации; оставшиеся же собираются провести ребрендинг и работать под другой вывеской

на внешней арене, включая как чисто экономическую, так и образовательную и культурную активность.

Хотя различные программы, связанные с финансированием из китайского бюджета, пользовались и пользуются большой популярностью среди иностранцев, степень усвоения стипендиатами китайской культуры и их готовность в дальнейшем следовать китайским ценностям и продвигать китайские интересы остается предметом дискуссий. Одним из признаков провала разъяснительной и популяризаторской работы Китая можно считать волну синофобских выступлений, прошедших в 2019 г. в Казахстане, Киргизии и России (протесты против строительства завода по производству бутилированной воды в байкальском поселке Култук).

Действия Китая, которые зачастую были всего лишь «калькой» с западных аналогов (Институты Гете, Сервантеса, стипендия *Chevening* и т.д.), неизменно воспринимаются сквозь призму угроз национальной безопасности. Наиболее показателен пример США, которые десятилетиями вели еще более масштабную и агрессивную работу по продвижению своих интересов гуманитарными средствами, однако, столкнувшись с аналогичным поведением со стороны Китая, решили оборвать контакты.

Так, начиная с 2018 года, фактически свёрнуто участие американцев в китайской стипендиальной программе «Тысяча талантов», которую Белый дом назвал «методом получения американских технологий и интеллектуальной собственности»⁷. Пре-

⁷ White House Office of Trade and Manufacturing Policy: How China's Economic Aggression Threaten US Intellectual Property, June 2018. URL: <https://www.hsdl.org/?view&did=812268>

крашены совместные научные программы по линии «национальных лабораторий» США. С 2020 г. идут проверки всех образовательных организаций на предмет наличия источников финансирования из КНР. Из 118 действовавших на территории США Институтов Конфуция 104 уже закрыто, а еще четыре находятся в процессе ликвидации; оставшиеся же собираются провести ребрендинг и работать под другой вывеской. Аналогичную реакцию можно наблюдать и в других западных странах.

Таким образом, к рубежу 2010–2020-х годов стало ясно, что китайские инструменты «мягкой силы» работают недостаточно эффективно. Этому способствовало несколько факторов.

Во-первых, Китай был вынужден оперировать в условиях значительного противодействия со стороны других международных игроков, которые воспринимали его активность в гуманитарной сфере как действия потенциального соперника. Таким образом, усилия Китая вызывали контрпропаганду в СМИ. Для примера достаточно посмотреть на материалы централь-

Вместе с традиционной культурой, которая может быть довольно привлекательной для внешнего наблюдателя, навязываются и элементы политической культуры, тесно связанной с властью Коммунистической партии – а это, за редким исключением, не только не привлекательно для зарубежной аудитории, но, наоборот, вызывает отторжение

ноазиатских редакций «Радио Свобода», которые использовали представления о любых действиях Китая как части ревизионистской стратегии движения к мировому господству, о наличии в них обязательного скрытого смысла. Тем самым формировался дискурс о «китайской угрозе», который затем воспроизводился и усиливался самостоятельно, часто уже без внешнего влияния.

Во-вторых, акцент на традиционной культуре, принятый на начальном этапе, свидетельствовал о неготовности Китая

Lee Simpson. Attribution-NonCommercial-NoDerivs 2.0 Generic (CC BY-NC-ND 2.0)

Празднование нового года по лунному календарю. Институт Конфуция при Эдинбургском университете. 2016 г.

адаптировать свою повестку под внешнюю аудиторию. В результате китайская «мягкая сила» и пропаганда оперировали сложными для понимания образами и афористичными концепциями, содержание которых было непонятно для большинства зарубежной аудитории. Разрозненные «картинки» на тему культуры не давали целостного понимания системы ценностей, которая позволяла бы иностранцам солидаризироваться с Китаем в его взглядах на современный миропорядок.

В-третьих, продвигая свою «мягкую силу» за рубежом, китайские дипломаты, журналисты, эксперты зачастую действуют чересчур прямолинейно и даже неуклюже. В их действиях совершенно очевиден пропагандистский уклон. Показателен пример журналистов, которые в интервью с иностранным экспертом, избегают спорных вопросов, игнорируют ответы, отличные от официальных трактовок, сводят все к стандартным формулировкам про «успехи Китая и его блестящие перспективы».

Кроме того, вместе с традиционной культурой, которая может быть довольно привлекательной для внешнего наблюдателя, навязываются и элементы политической культуры, тесно связанной с властью Коммунистической партии – а это, за редким исключением, не только не привлекательно для зарубежной аудитории, но, наоборот, вызывает отторжение. На наш взгляд, столь неэффективный подход к взаимодействию с внешней аудиторией связан не только с присущим китайской культуре эгоцентризмом, но и с тем, что китайские социально-гуманитарные дисциплины находятся в затяжном кризисе, связанном как с деструктивным воздействием «культурной революции», так и с чрезмерной цензурой,

контролем со стороны партийно-административных органов.

Картинку современного Китая непросто сделать привлекательной для зарубежной аудитории, по крайней мере для большей ее части. Быт и повседневность общества «переходного периода» 1990–2010-х годов, то есть периода стремительного перехода от бедности и голода к сытости и богатству, одних пугали своим консюмеризмом, а для других выглядели архаичными. Оба представления отражены в книге американского автора Эвана Ознос «Век амбиций. Богатство, истина и вера в новом Китае»⁸ (*Age of Ambition: Chasing Fortune, Truth, and Faith in the New China*), которая стала наиболее влиятельной в посвященной Китаю публицистике середины 2010-х и определила восприятие Китая внешней аудиторией в большей степени, чем «агитпроп» китайских издательств.

В завершении пролога к своей книге Э.Ознос пророчески написал: «На китайскую историю XXI века нередко смотрят под углом соревнования между Востоком и Западом, между государственным капитализмом и свободным рынком. Но на передний план выступает другое: битва за право определять, что такое Китай».

Значимость этой «битвы» хорошо понимается китайскими политиками и интеллектуалами. В условиях многократно возросшего информационного давления со стороны Запада они начали спешно искать другие инструменты, способные обеспечить защиту национальных интересов на международной арене. Ситуация осложнялась тем, что бороться пришлось с гораздо более сильным противником, при этом оказалось трудно признать, что разбогатевший и нарастивший экономические мускулы Китай может быть в чем-то уязвимым.

⁸ Ознос Э. Век амбиций: богатство, истина и вера в новом Китае / пер. с англ. М. Солнцевой. Москва: Издательство АСТ: CORPUS. 2016.

Мишель Фуко

с китайской спецификой

Конечно, такая рефлексия и переосмысление приоритетов дались китайской элите непросто. Еще при Цзян Цзэминь⁹ официальной китайской формулировкой, которая характеризовала перспективы развития Китая, стал «период важных стратегических возможностей», что предполагало относительно стабильную внешнюю среду. В начале 2000-х партия пришла к выводу, что в течение 20 лет наращивание китайской мощи не встретит серьезного сопротивления со стороны других держав, в том числе «единственной сверхдержавы» США. Такие прогнозы основывались большей частью на том, что Китай за годы реформ успешно встроился в западоцентричную систему глобальной экономики и получил выгоды как от членства во Всемирной торговой организации, так и от потока западных инвестиций и технологий. Во время Азиатского кризиса 1997–1998 гг. Китай продемонстрировал устойчивость своей финансовой системы, однако волна цветных революций на Среднем и Ближнем Востоке, а также на постсоветском пространстве довольно остро поставила вопрос, насколько защищены и китайская политическая система, и китайские политические интересы в мире.

Пропаганда китайской культуры и китайского языка, даже очень масштабная и затратная, не вела автоматически к формированию адекватного представления в мире о Китае как геополитическом субъекте, о его пути развития и политическом выборе, об идеалах и ценностях, наконец о табу и красных линиях. Даже такое яркое и удачное с точки зрения государственного пиара событие, как летняя Олимпиада-2008, сопровождалось обвинениями Китая в нарушениях

Концепция «дискурсивной силы», которая должна была задать рамки нового курса взаимодействия Китая с миром, опять же была найдена в западной науке

прав человека и протибетскими выступлениями во многих западных странах.

Концепция «дискурсивной силы», которая должна была задать рамки нового курса взаимодействия Китая с миром, опять же была найдена в западной науке. Необычную популярность среди китайских обществоведов приобрел совсем немарксистский, хотя в свое время симпатизировавший левым радикалам, французский культуролог и философ Мишель Фуко (1926–1984). При этом, обращение к его политическому наследию, весьма популярное в современной китайской мысли, касается лишь отдельных терминов и категорий, популяризированных французским мыслителем¹⁰. По сути, единственной парой терминов, которые сейчас активно эксплуатируются китайскими политологами, является «дискурс» и «дискурсивная власть».

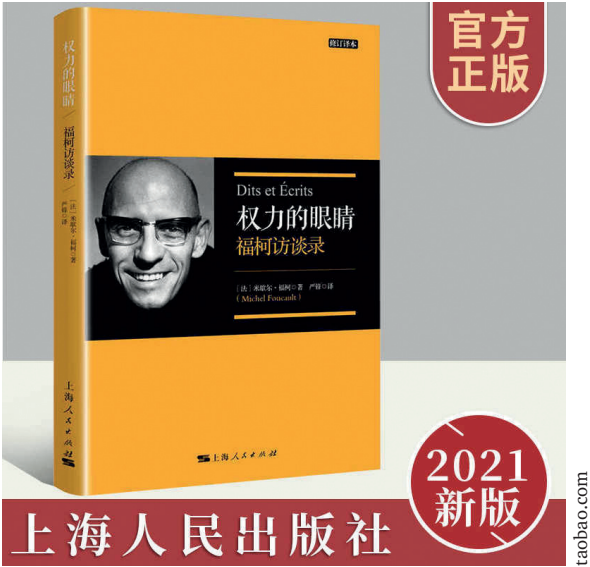
По данным реферативной базы *CNKI*, первое упоминание «международной дискурсивной силы» относится к 2001 году. Любопытно, что оно касалось работы над стандартами электронной торговли, что, как прогнозировал автор статьи, усилит китайские позиции в мире. Если в начале 2000-х число публикаций исчислялось единицами, то довольно скоро начался настоящий бум, и рассуждения о «дискурсивной силе» вош-

⁹ Цзян Цзэминь (1926–2022), генеральный секретарь ЦК Компартии Китая (1989–2002), председатель КНР (1993–2003), председатель Центрального военного совета КНР (1990–2005).

¹⁰ Подробнее см.: Денисов И.Е. Концепция «дискурсивной силы» и трансформация китайской внешней политики при Си Цзиньпине // Сравнительная политика. 2020. Т. 11. №. 4. С. 42–52.

ли в моду и все прочнее стали включаться в контекст дискуссии о глобальной роли Китая (Рис. 1).

В китайских текстах встречаются довольно вольные трактовки взглядов М. Фуко. Утверждение «Дискурс – это и есть власть» (话语即权力) можно найти в десятках работ. Как пишет Шэнь Сяньчжи, ставя эту фразу в кавычки и указывая авторство М. Фуко: «Дискурс – это власть, за которую людям необходимо бороться» (话语是人们必争的权力)¹¹, при этом за основу, как мы выяснили, берется сильно урезанная цитата из «Порядка дискурса». Смысл её в оригинале заключается в том, что ради контроля над дискурсом стоит сражаться, и контроль над дискурсом – это то, чем власть хочет завладеть. Иными словами, налицо заметное искажение изначального тезиса. Очень часто в китайских интерпретациях дискурса встречается упоминание о том, что его важная функция состоит в «упорядочивании мирового порядка» (对世界程序的整理). Несмотря на приложенные усилия, нам так и не удалось

Скриншот. Реклама книги М.Фуко на китайском маркетплейсе Таобао

установить точный источник этой цитаты в работах М. Фуко, хотя китайские авторы апеллируют именно к нему.

Фактически китайские ученые выборочно взяли из теории западных постструктуралистов одну отдельную сторону такого понятия, как «дискурс», и применили ее в

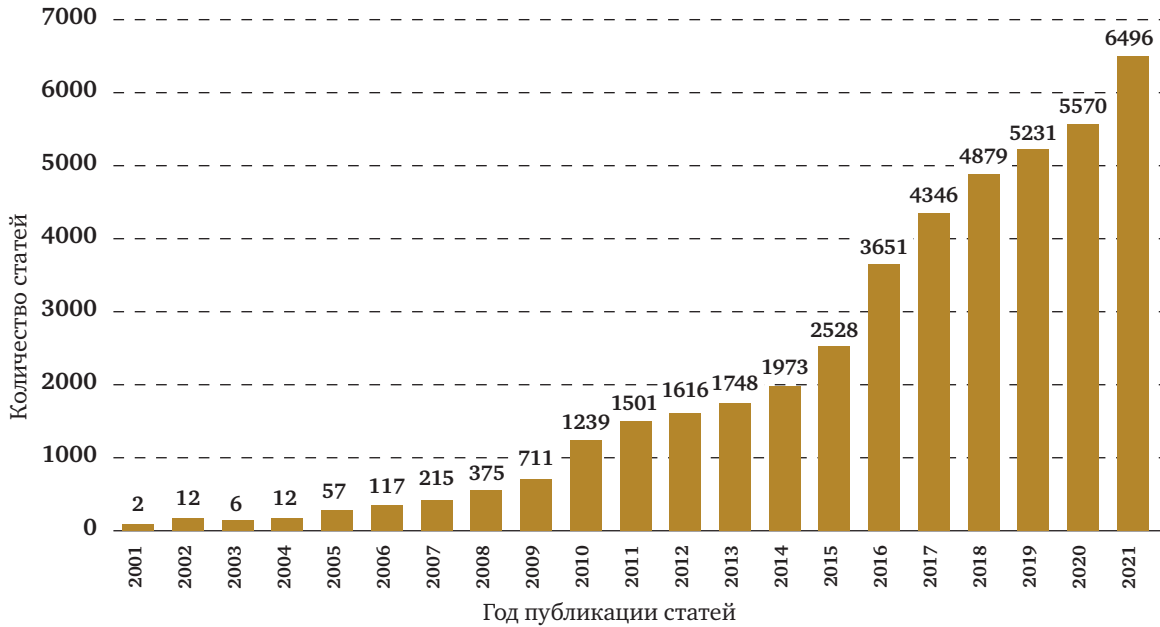

Рис. 1. Упоминания «дискурсивной силы» в научных статьях, индексируемых китайской базой CNKI (2001–2021)

Источник: China National Knowledge Infrastructure (CNKI). Составлено авторами.

¹¹ 沈贤志. 论中国对外话语体系的构建 [Шэнь Сяньчжи. О построении внешней дискурсивной системы Китая] 新闻战线 [Синьвэнь чжаньсянь]. 2018. № 17. С. 41.

соответствии со старым китайским принципом 中学为体, 西学为用 – «использовать китайское учение в качестве фундамента, а западное учение – для утилитарного применения». Ссылки на М. Фуко, таким образом, используются для обоснования и придания веса теоретическим изысканиям, которые заключаются в поиске ответа на вопрос, каким образом растущему Китаю использовать дискурс для переустройства мирового порядка, того самого «упорядочивания». При этом контроль над дискурсом рассматривается как контроль над миром. Достаточно типично следующее китайское толкование «дискурсивной силы»: «В определенном смысле, тот, кто владеет дискурсивной силой, тот и имеет “право организовывать” мировой порядок, тот и обладает ключевой властью»¹².

Сложно сказать, случайно ли М. Фуко стал культовой фигурой китайского ресентимента, но растущее недовольство западной гегемонией на поле дискурса довольно быстро вывело модное слово, имевшее хождение лишь среди интеллектуалов, на уровень партийного лозунга «наращивать международную дискурсивную силу». Некоторое время сложно было понять, чем в конце концов новый концепт отличается от продвижения «мягкой силы», однако сама идея ответа на западную дискурсивную гегемонию постепенно выкристаллизовывалась и начинала жить самостоятельной жизнью.

Большая четкость в подходах наступила лишь после прихода к власти Си Цзиньпина, который стал проводить проактивную внешнюю политику, окончательно расставаясь с заветами Дэн Сяопина о скромности на мировой арене. Стремление к лидерству делало востребованной более продуманную дискурсивную стратегию. В то же время

Китайское толкование «дискурсивной силы»: «В определенном смысле, тот, кто владеет дискурсивной силой, тот и имеет “право организовывать” мировой порядок, тот и обладает ключевой властью»

дипломатия Си Цзиньпина была основана на предельно рациональной оценке ситуации, стратегическое мышление при нем не стало воспроизводить рецепты открытой конфронтации, лобовой атаки на позиции Запада и крайне жёсткой дипломатии, подсказанные в наводнивших в свое время страну бестселлерах¹³.

Правда, военно-силовые аналогии в рассуждениях о власти дискурса иногда просматривались в экспертных публикациях. Так, профессор Чжан Чжичжоу в сентябре 2016 г. на страницах «Жэньминь жибао» призвал усиливать «дискурсивную силу» «стратегическим единым кулаком», объединяя усилия правительства, бизнеса, научных кругов и общественной дипломатии. Однако здесь скорее видится традиционная для китайского политического языка логика борьбы и аналогии с военной операцией, когда нужно привлечь внимание к действительно важной и сложной политической задаче. В этой же статье исследователь признает, что дефицит китайской «дискурсивной власти» носит систематический характер, и, чтобы его устранить, необходимы слаженные действия и отсутствие противоречий на разных уровнях. «Хотя в последние годы китайский международный дискурс стал более активным, модель “Запад силен, а мы слабы” еще не претерпела фундаментальных изменений», – констатирует Чжан Чжичжоу¹⁴.

¹² 复旦大学童兵教授：加强新闻学话语体系建设 [Профессор Фуданьского университета Тун Бин: Усилить строительство дискурсивной системы в журналистике]. 新华[Синьхуа]. URL: http://www.xinhuanet.com/zgjl/2018-05/28/c_137211543.htm

¹³ К наиболее известным относятся: «Китай недоволен: большая эпоха, большие цели и наши внутренние и внешние проблемы» (2009), «Китай может сказать “нет” – политический и эмоциональный выбор в эпоху после холодной войны» (1996), «С-образное окружение: прорыв Китая из внутренних трудностей и внешнего давления» (2010).

¹⁴ 张志洲. 切实改变国际话语权 ‘西强我弱’ 格局 [Чжан Чжичжоу. Полностью поменять положение в международной дискурсивной силе «Запад силен, а мы слабы»]. 人民网 [Жэньминьван]. URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2016/0920/c40531-28725837.html>

Четыре дискурсивных маневра

Китайские идеологемы, как правило, туманны и условны, и предполагают множество трактовок. Отчасти это объясняется многоступенчатым и многоакторным процессом выработки стратегических концепций, когда сначала наверху «принимается» некая идеологическая формула, не имеющая четко проработанной дефиниции, а лишь определенный политический посыл. Затем она обсуждается в научных кругах и прессе, в том числе с участием иностранцев. Далее её трактовки собираются и анализируются представителями китайских «мозговых центров», материалы дискуссий вновь передаются высшему руководству, в результате чего содержание «формулы» корректируется и воспроизводится уже в обновленном виде. Как отмечает писатель и журналист, лауреат Пулитцеровской премии Ян Джонсон, проживший в Китае более 20 лет, «содержание всегда приходит в китайские проекты медленно», «о проектах сначала объявляют с большой помпой, возводят структуры в качестве декларации о намерениях, и только потом наполняют их содержанием»¹⁵. Это в полной мере касается стратегического проекта «усиления международной дискурсивной силы Китая». Причем процесс уточнения и развития подходов к дискурсивной стратегии продолжается, и мы не исключаем, что под этот «зонтик» попадут и новые задачи. В настоящий момент мы выделяем *четыре основных направления усиления дискурсивной силы: политическое, моральное, институциональное и технологическое*.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЫЛ

Если говорить о наибольшем дефиците дискурсивной силы и о том, где для Пекина возникают самые острые проблемы, чре-

ватые конфликтами, то это, прежде всего, политическая область. Навязываемые США представления о Китае как о главной опасности для мирового порядка во многом базируются на абсолютизации дихотомии авторитаризм-демократия. Отвечать Китаю может по-разному, и дискурсивные подходы как раз предполагают не прямую пропаганду, а попытку воздействовать на нарративы, на то, в каких категориях и каким образом в мире рассуждают о китайском социалистическом выборе и пути развития. Выступая 19 августа 2013 г. на Всекитайском совещании по пропагандистской работе, Си Цзиньпин потребовал «прилагать усилия для создания новых концепций и новых категорий и выражений, которые объединяют Китай и зарубежные страны»¹⁶.

Если раньше китайцы, грубо говоря, хотели «нравиться всем», то сейчас упор делается либо на лиц, принимающих решения, либо на представителей влиятельных мозговых центров и международных институтов. В таком контексте гораздо более эффективной видится не массовая «индоктринация» китайскими идеями слушателей Институтов Конфуция (и действительно, в последние годы КНР заметно снизил финансирование институтов и сократил число стипендиальных программ), а точечная работа по конкретным лидерам общественного мнения.

Китай полагает, что в полной мере воспользовался своими успехами в борьбе с COVID-19, чтобы подчеркнуть преимущества собственной системы государственного управления. Правда, здесь не обошлось без перекосов, когда китайские дипломаты, ученые и работники СМИ больше усилий тратили на разоблачения дисфункциональности Запада, чем на то, чтобы убедительно рассказать о собствен-

¹⁵ Johnson I. The Souls of China: The Return of Religion after Mao. New York: Pantheon Books, 2017.

¹⁶ 习近平：意识形态工作是党的一项极端重要的工作[Си Цзиньпин: Идеологическая работа является чрезвычайно важной задачей партии]. 新华[Синьхуа]. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2013-08/20/c_117021464_2.htm

ном опыте (данный феномен стал одним из основных элементов т.н. «дипломатии боевых волков»¹⁷ 战狼外交).

Стоит признать, что из всех направлений наращивания «дискурсивной силы», это наиболее проблемное и сложное, прежде всего потому, что зачастую Китай по инерции ведёт диалог с зарубежной аудиторией на «внутреннем» языке. Хотя, с другой стороны, возможные риски на данном направлении полностью осознаются китайцами. «В условиях, когда США злоупотребляют своей дискурсивной гегемонией для осуществления недобросовестных нападок на Китай с помощью ложной информации под видом свободы, Китай должен высказаться, объяснить правду и предложить объективную картину по таким вопросам, как реагирование на COVID-19, как и положено ответственной державе», – отмечала на одном из брифингов официальный представитель МИД КНР Хуа Чуньин¹⁸.

МОРАЛЬНЫЕ ВЫСОТЫ

На страницах партийной печати Хуа Чуньин призвала создать новую теорию морали с китайской спецификой, которая бы пользовалась международным консенсусом. При этом предлагается «использовать моральные преимущества, глубоко укоренившиеся в традиционной китайской культуре», что явно пересекается с задачами, которые решались и во многом продолжают решаться на международной арене в рамках концепции «мягкой силы»¹⁹. Есть существенное отличие – поскольку в центре дискурсивной силы находится вопрос лидерства, в данном случае речь не идет о «лекциях» по китайской философии или конфуцианской морали, а о попытке сделать китайские ценности равно-

правным элементом мирового мейнстрима. Считается, что та страна, чьи ценности окажутся сильнее и привлекательнее, сможет быть полностью признанной международным сообществом и, таким образом, занять выгодное положение на мировой арене.

Моральные аргументы часто сопровождаются китайскими рассуждениями об отличиях дискурсивной силы КНР от западного аналога. «Китайцы ценят самоограничение, предпочитают самоанализ и стремятся к самопреобразованию в попытках убедить других или повлиять на них. Искусство справляться с разногласиями является ключом к гармонии... ориентированность на слушателя контрастирует с западным представлением о власти и дискурсе власти, который является почти исключительно конфликтным и состязательным, связанным с конкуренцией, принуждением или доминированием», – пишет китайский ученый Бай Тяньи²⁰.

Моральный характер носит и концепция «сообщества единой судьбы человечества», которую Китай активно продвигает и в мировых СМИ, и на международных площадках²¹. Хотя в целом Китай действует на мировой арене в парадигме политического реализма, концепция построена на идеальном представлении о будущем мира, и пока носит достаточно иллюзорный и плохо воспринимаемый внешней аудиторией характер²². По всей видимости, ставка на достижение моральных высот для Китая – это игра вдолгую, и её финалом видится получение «мандата Неба» на роль одного из общепризнанных мировых лидеров.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ УКРЕПЛЕНИЯ

Более приземлённые задачи решаются в

¹⁷ См. также: Денисов И.Е., Зуенко И.Ю. Почему новый язык китайской дипломатии звучит так грубо // Профиль, 26.05.2020. URL: <https://profile.ru/abroad/pochemu-novyy-yazyk-kitajskoj-diplomatii-zvuchit-tak-grubo-320380/>

¹⁸ China deserves a voice, must speak up against US discourse hegemony. Global Times, May 11, 2021. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202105/1223195.shtml>

¹⁹ 华春莹. 占据道义制高点 提升国际话语权 [Хуа Чуньин. Занять высокое моральное положение, увеличить дискурсивную силу]. 求是 [Цюши]. URL: http://www.qstheory.cn/lwx/2019-07/12/c_1124745528.htm

²⁰ Bai, Tianyi. Assessing China's Discursive Power: The Concept and Its Effect. *Proceedings of the 2021 International Conference on Education, Language and Art (ICELA 2021)*. Atlantis Press, 2022.

²¹ Commentary: Why President Xi strongly advocates building community with shared future *Xinhuanet*, 22.09.2020. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2020-09/22/c_139388123.htm

²² См. подробнее Nathan, Andrew J., and Boshu Zhang. "A Shared Future for Mankind": Rhetoric and Reality in Chinese Foreign Policy under Xi Jinping." *Journal of Contemporary China* 31.133 (2022): 57-71.

рамках институциональной «дискурсивной силы», под которой в Китае понимают усиление активности в международных организациях и внедрение в работу наднациональных институтов и в принимаемые ими документы норм и правил, соответствующих китайским национальным интересам. Таким образом, здесь сочетаются и дискурсивные стратегии, и совсем далекие от работ М.Фуко организационные практики.

В 2018 г. в Пекине была опубликована «Белая книга по Арктике» – ключевой многостраничный концептуальный документ, фиксирующий подходы КНР к Арктическому региону. Примечательно, что Китай решил зафиксировать не только свою стратегию в Арктике, но и язык, с помощью которого может быть описано его положение в столь отдаленном регионе мира. Два ключевых понятия, которыми Китай сегодня описывает свой статус в Арктике – «близкоарктическое государство» (цзинь бэйцзи гоцзя 近北极国家) и «важный стейкхолдер в арктических делах» (бэйцзи шиу дэ чжун'яо лии югуаньфан 北极事务的重要利益攸关方). После 2018 г. оба термина приобрели официальный характер и широко используются на международных площадках. Термины призваны на дискурсивном уровне закреп-

пить право Китая на свое слово в арктической политике, несмотря на то обстоятельство, что территория КНР расположена далеко от Северного Ледовитого океана.

Можно сказать, что, как наблюдатель в Арктическом совете, Пекин пытается последовательно проводить многоуровневую дискурсивную стратегию, вести игру не только на практическом, но и на идейном уровне, выстраивая вокруг своего присутствия в Арктике определенную систему образов. Активное использование названных выше терминов призвано корректировать негативный образ Китая как слишком амбициозного чужака и, в то же время, влиять на формирование повестки и правил игры с учетом китайских интересов. Поэтому они используются не только во внутренней риторике, но и на различных международных мероприятиях, причем китайцы ожидают, что термин «близкоарктическое государство» постепенно войдет в лексикон и представителей других стран.

Долгосрочная стратегия Китая в международных структурах заключается, с одной стороны, в предоставлении им общественных благ, таких как финансирование, технологии, обучение персонала, с другой – в более активном участии в содержательной работе

Bernard Spragg. Public domain

Китайский ледокол «Сюэлун» (Снежный дракон)

органов глобального управления, в том числе путем предложения своих концепций, участия в создании и пересмотре международных систем, режимов и правил, а также в продвижении китайских граждан на руководящие посты в международных организациях. При этом западная дискурсивная гегемония, которую Пекин считает необходимым ликвидировать, рассматривается в данном случае как «западоцентричность» существующей системы международных институтов.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ АТАКА

Более 20 лет назад первая публикация с использованием термина «международная дискурсивная сила» касалась вопросов технологий и китайских стандартов. Сегодня это направление становится одним из приоритетных, особенно в силу того, что сфера высоких технологий находится в фокусе американо-китайской конфронтации. Интернационализация технических стандартов КНР понимается как наращивание «дискурсивной силы», то есть возможностей Пекина влиять на будущий технологический уклад.

Способность быть законодателем мод и определять правила игры в таких областях, как мобильные сети нового поколения, искусственный интеллект, блокчейн, большие данные, становится стратегической возможностью, которой Китай намерен воспользоваться, чтобы обеспечить прочные позиции страны на мировой арене. Владение ключевыми технологиями и воз-

Интернационализация технических стандартов КНР понимается как наращивание «дискурсивной силы», то есть возможностей Пекина влиять на будущий технологический уклад

В условиях высококонкурентной внешней среды «дискурсивная сила» по многим признакам становится ближе к классической «жесткой», а не «мягкой» силе

можность предложить эти решения другим, привязав их к своей технологической платформе, это не только способ повысить национальную конкурентоспособность, но и фактор защиты национальной безопасности.

Подводя итоги, можно отметить, что в условиях высококонкурентной внешней среды «дискурсивная сила» по многим признакам становится ближе к классической «жесткой», а не «мягкой» силе. Кроме того, она дает Китаю дополнительную уверенность в выживании в условиях хаотизации международной системы.

Для Китая это элемент и возросшего статуса, и национального достоинства. В речи, произнесенной в 2015 году, Си Цзиньпин сформулировал интересную мысль: «Если ты отстаешь, тебя будут бить, если ты беден, ты будешь голоден, а если ты теряешь голос, тебя будут ругать. Образно говоря, в течение длительного времени наша партия вела народ к решению трех основных проблем – “быть избитым”, “быть голодным” и “быть поруганным”. После упорной борьбы нескольких поколений первые две проблемы в основном решены, но проблема “быть поруганным” еще не решена в корне. Борьба за международный дискурс – это главный вопрос, который мы должны решить»²³.

Путем «упорядочивания» мира вокруг себя с помощью правильных нарративов, институциональных и технологических решений Пекин намерен отразить атаки «черных лебедей» и «серых носорогов», надеясь не только не потерять имеющиеся позиции, но и завоевать новые.

²³ 习近平：在全国党校工作会议上的讲话 [Си Цзиньпин. Выступление на Всекитайской рабочей конференции партийных школ]. 人民网 [Жэньминьван]. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2016/0501/c64094-28317481.html>

Вместо заключения.

«Дискурсивная сила» КНР

в эпоху глобальной конкуренции

В первые десятилетия XXI в. происходит кардинальный поворот в концептуальном обосновании китайской внешней политики. На смену «культурной дипломатии» и продвижению «мягкой силы», направленным на формирование позитивного образа Китая, пришла задача наращивания «дискурсивной силы», то есть «права голоса» в международных делах, соответствующего возросшему экономическому, политическому и военному потенциалу Китая. Основные выводы в отношении этого процесса можно представить следующим образом.

1. «Дискурсивная сила» в нынешнем китайском понимании не является единой четкой концепцией и включает разнородные элементы, связанные с нематериальными и материальными факторами глобальной власти, однако все они подчинены одной цели – преодолению западной дискурсивной гегемонии. По сравнению с «мягкой силой» использование «дискурсивной силы» в международных отношениях предполагает гораздо более активную, можно сказать, наступательную, роль. Ранее «мягкая сила» не была нацелена на конфронтацию, поскольку она была встроена в концепцию мирного подъема Китая и была основана на представлении о наличии у Китая длительного периода «важных стратегических возможностей».

2. Переход от относительно пассивной концепции «мягкой силы» к наступательной концепции «дискурсивной силы» стал ответом Китая на попытки ограничения дальнейшего развития КНР со стороны Запада. В дискурсивной гегемонии Запада, в том числе в возможности управлять международной повесткой через институты глобального управления, Пекин видит корень

многих своих проблем. В Пекине считают, что нынешний международный дискурсивный порядок ставит Китай в несправедливо невыгодное положение, поскольку значительная часть мира смотрит на Китай глазами Запада, потребляет информацию через западные медиаплатформы, а оттого находится под влиянием западной неолиберальной идеологии, – иначе говоря, того, что в Китае называют «гегемонией западного дискурса». Стоит ли говорить, что западные политики смотрят на Китай как на Другого и, проявляя заинтересованность в китайских товарах и инвестициях, готовы при случае отгораживаться от него политически.

3. Острые китайских претензий направлено, прежде всего, в сторону США, которые признаются «дискурсивным гегемоном». С конца 2010-х годов китайско-американское соперничество, которое ранее не выходило за пределы экономической конкуренции, ошутимо обрело характер идеологического (ценностного) противостояния, что подчеркивается и в американских стратегических документах. «Гегемония западного дискурса» будет постоянным фактором ухудшения отношений КНР как с западными странами, так и с соседями по региону, которые находятся под западным информационным влиянием, поэтому в Пекине рассматривают разрушение этой гегемонии как свой долгосрочный приоритет.

4. В китайском понимании усиление «дискурсивной силы» представляет собой набор инструментов, способствующих продвижению Китая в качестве одного из ведущих игроков в центр мировой сцены – инструментов, формирующих повестку международных институтов и новые прин-

ципы «глобального управления», воздействующих на ценности мировых акторов и их мировоззрение, а через это – на политический выбор и политические решения. Главный объект воздействия – не «общая публика», а политикоформирующий класс. При этом «дискурсивная сила» не ограничивается лишь политической риторикой. Фактически этот зонтичный термин охватывает все многообразие невоенных методов достижения мирового лидерства, включая распространение китайских управленческих, технологических и финансовых стандартов.

5. Вероятно, в ближайшее время внимание к использованию «дискурсивной силы» в Китае сохранится, в результате чего фактически будет создаваться альтернативная Западу дискурсивная реальность, и большинство стран мира окажется в дилемме выбора – какую точку зрения принять. Например, американскую «правду» о том, что в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР системно нарушаются права этнических и религиозных меньшинств. Или китайскую «правду» о том, что в СУАР КНР были предприняты «решительные меры, направленные на борьбу с сепаратизмом, экстремизмом и терроризмом». И таких развилочек, скорее всего, в ближайшем будущем будет становиться всё больше.

6. В отличие от использования «мягкой силы», которое не предполагает союзников, поскольку тесно завязано на национальную культуру и образ страны, использование «дискурсивной силы» вполне может приводить к появлению «дискурсивных союзов». В общих чертах этот процесс можно наблюдать в схожей реакции на украинский и тайваньский кризисы со стороны российских и китайских внешнеполитических сообществ, аффилированных с ними СМИ и научно-экспертных центров. Причем сближению позиций в значительной степени способствовало мощное дискурсивное давление со стороны Запада на обе стороны. В будущем, используя концептуальный инструментарий «дискурсивной силы», можно будет говорить и о «дискурсивных союзах»,

и даже о «дискурсивной биполярности». При этом важно понимать, что совпадение сторон в рамках «дискурсивного союза» по части вопросов может быть конъюнктурным и частичным, и стороны могут серьезно расходиться по другим вопросам. В результате это будет взаимодействие, гораздо более сложное и многослойное, нежели традиционные «жесткие» внешнеполитические альянсы.

7. Оценивая эффективность китайской «дискурсивной силы», нужно отметить противоречивость самоощущения Китая на мировой сцене. Оно по-прежнему характеризуется сочетанием растущей самоуверенности и большого числа комплексов, восходящих к периоду военных поражений и полуколониальной зависимости во второй половине XIX – первой половине XX веков (т.н. сто лет унижений). Как бы парадоксально это ни звучало, китайцы чувствуют себя представителями великой тысячелетней цивилизации и одновременно представителями развивающейся, нуждающейся в модернизации страны, которые долгое время смотрели на Запад снизу вверх. Китаю крайне важно показать миру, что с ним нужно считаться, с ним нужно советоваться, к нему нужно прислушиваться. Однако целью этого является не столько обеспечение доминирования на мировой арене, сколько в немалой степени удовлетворение собственных комплексов ресентимента.

8. Как следствие, нынешние установки китайской «дискурсивной силы» сильно идеологизированы и в очень большой степени нацелены на решение задач внутренней политики, связанных с обеспечением сохранения политического режима. Зачастую они находятся в противоречии с интересами внешней политики. Внутренняя повестка, как показывает практика, доминирует: вопросы внутренней стабильности для китайских руководителей находятся во главе угла. Такое положение вещей является одним из факторов, ограничивающих эффективность китайской «дискурсивной силы» на мировой арене, хотя это не значит, что контрпродуктивность жесткой идеоло-

гической повестки на внешнем контуре не осознается руководством.

9. Другими факторами, препятствующими достижению быстрого успеха на ниве развития «дискурсивной силы», являются массивное информационное давление со стороны Запада, а также то обстоятельство, что китайцы только учатся и на этом пути могут совершать много ошибок. В частности, ошибкой, вероятно, является выбор воинственной риторики при неготовности подтверждать угрозы делами. Выбор аналогичной тональности в общении с Китаем со стороны Запада может приблизить мир к глобальной катастрофе, как мы уже видели в начале августа 2022 года, когда взаимная пикировка угрозами и повышение ставок едва не привели к эскалации конфликта в Тайваньском проливе в связи с визитом на остров спикера Палаты представителей Конгресса США Н. Пелоси.

10. Продолжается рефлексия на тему «дискурсивной силы» в среде китайских интеллектуалов. Показательным представляется высказывание президента Ки-

тайской академии современных международных отношений Юань Пэна: «Уже не важно, правда это или ложь – важно лишь то, кто владеет дискурсом. Это как раз и является искажением так называемой эпохи постправды (后真相时代)»²⁴. Заметно, что «дискурсивная сила», в отличие от «мягкой силы» 1990-2000-х годов, не идеализируется, воспринимается как действенное, но опасное оружие, применение которого может ввергнуть мир в состояние смуты. Созвучны и оценки текущей международной ситуации, содержащиеся в материалах XX съезда КПК (октябрь 2022 года). В них утверждается, что Китай, как и весь мир, находится «на перепутье исторического развития», «вступает в период развития, когда одновременно существуют стратегические шансы, риски и вызовы, однако возрастают неопределенные и труднопредсказуемые факторы»²⁵. Это показывает, что Китай не воспринимает «дискурсивную силу» как панацею и готов не только к победам, но и к отступлениям и даже временным поражениям.

²⁴ 袁鹏. 不畏浮云遮望眼—从百年变局维度看2020年的世界风云 [Юань Пэн. Не страшно, что плывущие облака заслонили мой взор: взгляд на мировые тенденции 2020 года с точки зрения столетних перемен]. 光明日报 [Гуанмин жибао]. URL: https://news.gmw.cn/2020-12/29/content_34500997.htm

²⁵ Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, сплоченно бороться за всестороннее строительство модернизированного социалистического государства. Полный текст доклада XX-му Всекитайскому съезду Коммунистической партии Китая. Синьхуа. URL: <https://russian.news.cn/20221025/b32a2a0cff064246838b0999eedebaa/c.html>

Благодарность

Представленный доклад отражает прежде всего выводы его авторов, мы и несём ответственность за его содержание. Однако этот проект был бы невозможен без содействия ИМИ МГИМО МИД России и дружеской помощи коллег. Мы искренне благодарны участникам секции «Дискурсивная сила КНР: нарративы и каналы распространения» на Первом Петербургском конгрессе исследователей международных отношений и 52-й научной конференции «Общество и государство в Китае»

за ценные замечания и поддержку основных идей доклада. Полезные рекомендации на заключительной стадии работы авторы получили от А.Л. Чечевишникова, Е.В. Журавлевой, Л.А. Ковачича, Е.А. Масловой, П.И. Рысаковой и Е.Д.Соболевой. Авторы признательны всем коллегам за высказанные пожелания и свежие идеи. Будем только рады, если выпуск доклада станет стимулом к продолжению научной дискуссии о концепции дискурсивной силы.

ОБ ИМИ

Институт международных исследований (ИМИ) — российский аналитический центр в сфере международных отношений, структурное подразделение МГИМО МИД России. Основан в 1976 году как Проблемная научно-исследовательская лаборатория системного анализа в области международных отношений. Современное название получил в 2009 году.

В состав ИМИ входят 12 центров и лабораторий, которые проводят фундаментальные и прикладные научные исследования, в области международных отношений и внешней политики, в том числе для российских органов власти и международных организаций. Сотрудники Института деятельно участвуют в становлении академического сообщества российских международныхников и выступают с публичной экспертизой по актуальным вопросам международной повестки.

@imi_mgimo

«Внешняя политика»

2022